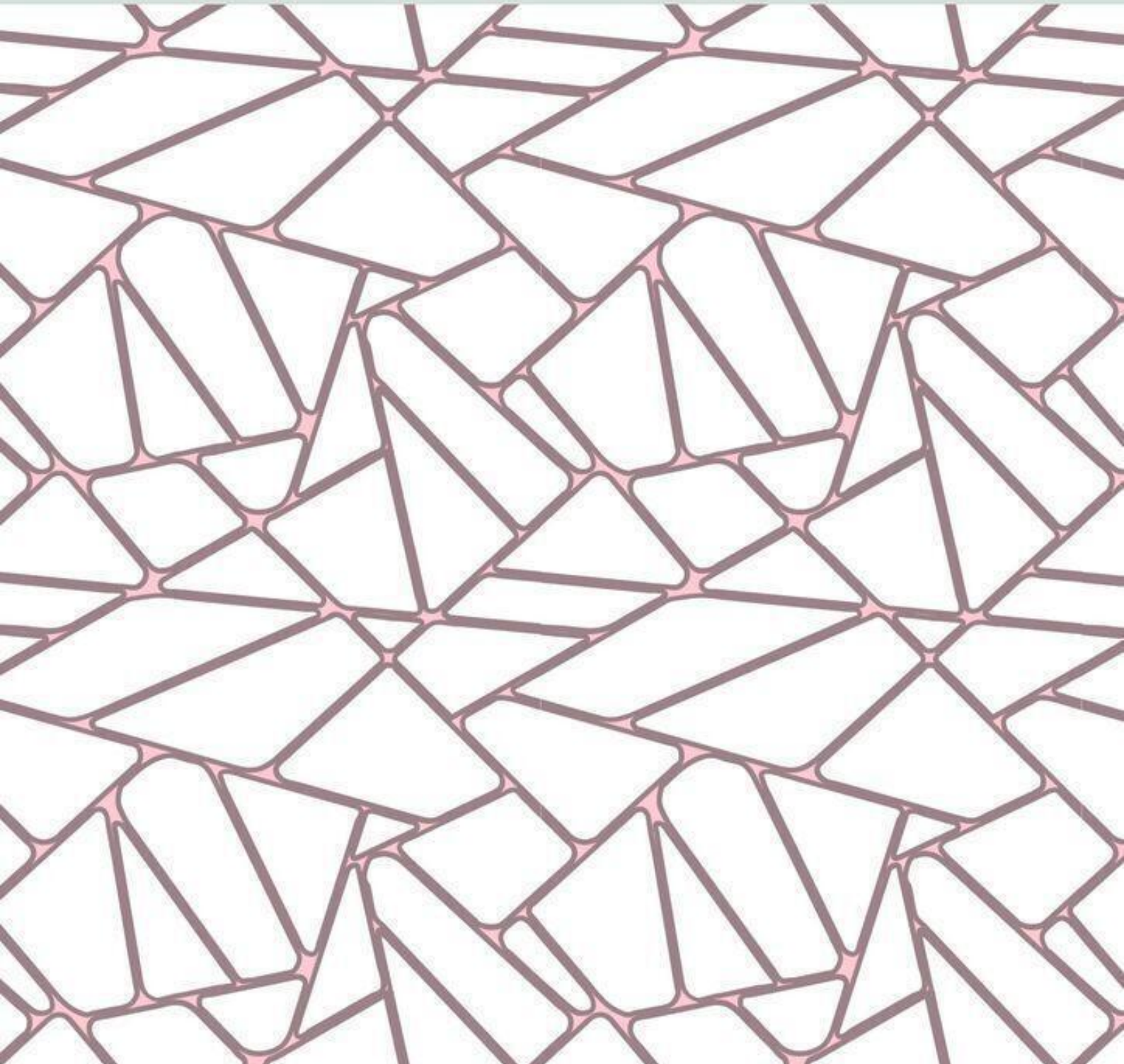
18+

Владимир Брунович Шнейдер

Магистерий



Владимир Шнейдер

Магистерий

«Издательские решения»

Шнейдер В. Б.

Магистерий / В. Б. Шнейдер — «Издательские решения»,

«Магистерий» — третья (после «Интриги и вымыслы» и «Сюжеты из кабинета») художественно-литературная публикация Владимира Шнейдера. Как и первые две, она состоит из коротких рассказов, написанных в основном в историко-детективном жанре.

© Шнейдер В. Б.
© Издательские решения

Содержание

МАГИСТЕРИЙ 6
ИНЦИДЕНТ В «LECKERES ESSEN»[1] 9
ЧУМНОЙ ДОКТОР ФРАНЧЕСКО КОСТА 11
ОСНОВНОЙ МОТИВ 14
ОБ ОДНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СВИДЕТЕЛЬСТВЕ 16
ИСТОРИЯ О ХУАНЕ САНЧЕСЕ 20
VIA AD MAGISTERIUM[1] 23
ГИБЕЛЬ ВЛАДА III ДРАКУЛЫ 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Магистерий

Владимир Брунович Шнейдер

© Владимир Брунович Шнейдер, 2026

ISBN 978-5-0071-6983-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАГИСТЕРИЙ

Эта новелла — литературное изложение рассказа моего знакомого историка Дэвида Кроуна о содержании некоторых документов из фамильного архива английских графов Берти, который, будучи обнаруженным совсем недавно, стал предметом изучения коллектива английских ученых.

Граф Оливер Берти начал вести дневник в пятнадцать лет, а потому можно полагать, что родился он в 1358-м году от РХ. Одним из первых важных событий, описанных Оливером, является приезд и поселение по-соседству с замком Берти двух женщин с континента — Мартины Фернандес и ее дочери Лусии, которая, по-видимому, и представляла средоточие интересов молодого графа. Пишет он, конечно, и о нежной и любящей матери графине Луизе Берти, и о строгом эрудите отце графе Ричарде Берти, часто уединявшемся в своей лаборатории и рабочем кабинете среди шкафов с таинственными манускриптами. Упоминал Оливер и о своих занятиях с наставниками, учивших его чтению, письму, языкам и искусству рассуждения.

15-го сентября 1373-го года в дневнике графа появляется скорбная запись о том, что его мать Луиза Берти утонула при невыясненных обстоятельствах. Далее после эмоциональных переживаний в связи с потерей самого родного человека Оливер повествует о посещениях замка Мартиной и Лусией Фернандес, и более близком знакомстве с красавицей Лусией.

Уже в январе 1374-го года состоялась свадьба Ричарда Берти и Мартины Фернандес. Оливер и Лусия вскоре подружились так близко, что однажды в укромном уголке парка Оливер стал первым мужчиной, которого познала Лусия. К несчастью для влюбленных, свидетелем одной из таких интимных встреч стала мать Лусии, пресекшая после этого все возможные встречи молодых людей наедине. Однако через месяц Мартина сама соблазнила Оливера в скрытом от посторонних взглядов месте. Она была Лусией с едва заметной паутиной морщинок у губ и глаз, молодой граф не смог удержаться. Каким-то образом узнавший об этом Ричард Берти не стал церемониться — уже через неделю Оливер Берти был отправлен в Париж для обучения в Сорбонне.

На начальных этапах в Сорбонне молодой граф Берти изучал так называемые свободные искусства (грамматику, логику, риторику, астрономию и некоторые другие), чтобы затем приступить к занятиям философией и теологией. В студенчестве Оливер подружился с французом Жаком Дюраном, который вел знакомства с местными оккультистами и эзотериками, охваченными страстью к тайным знаниям и трансмутациям металлов и первоэлементов. Молодого графа Берти это совсем не интересовало, он был всецело увлечен логикой и риторикой. Както на устроенном его учителем логики Гийомом Фурье после краткого лекционного курса диспуте Оливер выразил сомнение, что выражения «Необходимо, что все S суть P» и «Все S необходимо суть P» равнозначны. Фурье начал наставлять Оливера, что, несмотря на различие, эти выражения означают одно и то же. Так силлогизмы: «Все люди необходимо смертны. Сократ — человек. Сл-но: Сократ необходимо смертен» и «Необходимо, что все люди смертны. Сократ — человек. Сл-но: Необходимо, что Сократ смертен» одинаково свидетельствуют о необходимости смертности Сократа[1]. Молодой граф был вынужден согласиться.

Скоро пришло известие о смерти отца. Ричард Берти умер от сердечного приступа. Следующая трагическая новость заставила графа Оливера Берти покинуть Сорбонну и вернуться на родину. Лусия сообщала, что ее мать заживо сгорела в неожиданно загоревшейся конюшне, и умоляла его срочно приехать.

Вернувшийся в Англию Оливер Берти был бесконечно счастлив в объятиях Лусии. В дневнике он написал лишь о двух удививших его обстоятельствах. Первое заключалось в том, что Люсия порой не помнила содержания их разговоров в юности. А второе — в том, что за это

малое время, по-видимому, рассосалась милая родинка на нижней стороне ее левого запястья, вместо нее на нежной коже виднелся шрам от пореза.

Последняя запись в дневнике графа Оливера Берти, датированная 17-м маем 1376-го года, свидетельствует о предстоящей через неделю свадьбе с Лусией Фернандес. После этого либо граф Оливер Берти просто перестал вести дневник, либо вел его на другом не дошедшем до нас материальном носителе.

Однако на этом рассказ Дэвида Кроуна не заканчивается. Дело в том, что в графском архиве Берти ему попалось письмо из Парижа от Жака Дюрана, содержание которого имеет непосредственное отношение к описываемым в дневнике Оливера событиям.

В сообщении Жака Дюрана говорилось следующее. Вскоре после отъезда из Парижа графа Оливера Берти он встретился со своим подающим большие надежды приятелем эзотериком Гвидо де Монтанором[2]. В ходе общения вдруг всплыло имя отца Оливера, который, по словам Гвидо, был известным в тайных кругах человеком, даже адептом. Прямо сказав Монтанору, что Ричард Берти отец его друга, Жак получил от него некоторые наверняка представляющие интерес для Оливера сведения. Среди посвященных граф Ричард Берти был известен как алхимик, которому удалось получить «белого льва» или «малый магистериум» — вещество, позволяющее трансмутацию неблагородных металлов в серебро. Это считается большим достижением, хотя, как возможно знает Оливер, главной целью посвященных является «Магистерий» или «алый лев», или «философский камень», или «Великий эликсир», у него много названий. С его помощью, как известно, можно не только превращать неблагородные металлы в золото, но и обрести вечную молодость и жизнь, абсолютную свободу в материальном и духовном мире. Гвидо рассказал, что несколько лет назад встретился в Париже с ярой приверженкой алхимических идей испанкой Мартиной Фернандес, грезящей эликсиром вечной молодости. Мартина Фернандес была ученицей и сторонницей учения алхимика арабской традиции Энрике Родригеса[3]. В своем сочинении «Philosophia chemica et alchemia spiritus» Энрике Родригес пишет, что лабораторным способом можно получить лишь малый магистериум. Собственно Магистерий можно обрести лишь при посредничестве алхимического духа. «Res bina» духовная и материальная природа философского камня, мужское и женское начала, слитые воедино, алхимическая свадьба короля и королевы. По мнению Родригеса, для получения философского камня нужен белый лев и пара посвященных — мужчина и женщина. Во время соития, когда две противоположности едины, следует смешать кровь обоих и добавить в сосуд с белой тинктурой. Произойдет активная реакция и в сосуде появится искристый «алый лев». Даже одна капля Магистерия обладает громадной магической силой. Сам Гвидо де Монтанор испытывал большое недоверие к алхимическим идеям Родригеса. Он искал свой путь к философскому камню. Зато Мартина Фернандес была свято уверена в правоте своего учителя. Узнав, что Ричарду Берти удалось получить малый магистериум, она вместе со своей дочерью устремилась в Англию. Наличие у графа супруги Мартина Фернандес полагала легко устранимым препятствием.

Однако, очевидно, содержание этого послания по каким-то причинам так и не стало достоянием сознания молодого графа Берти. Впервые письмо Жака Дюрана через шесть с половиной столетий распечатал Дэвид Кроун.

1. Курьезно, что с точки зрения современной логики сомнения Оливера оказываются вполне обоснованными. Модальности de re (внутри высказывания) и de dicto (перед высказыванием) стали принципиально различать лишь в XX-м веке. В современной модальной логике в случае модальностей de dicto модальный термин рассматривается как оператор перед высказыванием. В применении к силлогистике существует правило, что модальность заключения не может быть сильнее, чем в слабейшей по модальности посылке. Поэтому правильным заключением второго силлогизма является: «Сл-но: Сократ смертен».

2, Алхимик и философ, французского или греческого происхождения, живший в 14-м веке. Большая часть его трудов не сохранилась. Ему приписывается текст, сохранившийся в манускрипте 15-го века, под названием «Notabilia Guidonis Montaynor».

3. Испанский алхимик 14-го века. Сведения о жизни и труды, к сожалению, не дошли до наших дней.

ИНЦИДЕНТ В «LECKERES ESSEN»[1]

Священная Римская империя, Бавария, вторая половина XVI-го века.

Свидетельства этой истории, произошедшей в баварском Кельхайме, к сожалению, не сохранились в городских архивах. Все описанные ниже события являются авторским пересказом записей недавно обнаруженного в Кельхайме дневника католического священника отца Себастьяна.

Летом 1587-го года в Кельхайме произошли взбудоражившие жителей поселения трагические события. Внезапно часть горожан двух соседних кварталов охватил непонятный недуг. Острая боль в голове и животе, тошнота и рвота. Страшнее было то, что некоторые стали умирать. Возникла паника, а навалившаяся напасть, по мнению большинства жителей, была вызвана не чем иным, как колдовством. На окраине города уединенно жила женщина по имени Грета Грос, которая занималась знахарством и гаданием. Поскольку в Кельхайме давно шла молва, что Грета Грос тайно практикует магию и ведовство, то именно с ее черным колдовством связали горожане недавние жуткие события, и в Городской совет Кельхайма полетели жалобы.

По распоряжению городской администрации Грета Грос была арестована, а в ее доме провели обыск. Как и следовало ожидать, знахарка отрицала всякую причастность к отравлению жителей Кельхайма, однако в ее жилище было обнаружено множество флаконов и коробочек с непонятными снадобьями, а также рукописи, содержащие рецепты различных зелий и строго порицаемые христианской церковью гримуары. В ходе дознания при опросе свидетелей неожиданно выяснилось, что все пострадавшие от недуга перед тем, как почувствовали первые признаки опасной болезни, обедали в городской таверне Хагена Кнаппа «Leckeres Essen». Кроме того оказалось, что и Грета Грос частенько появлялась в заведении Кнаппа, а сам содержатель таверны был одним из немногих, с кем женщина водила тесное знакомство. Представителей Городского совета, прибывших в таверну в сопровождении стражников, в дверях заведения встретил, казалось, удивленный их появлением хозяин. В то время, как члены городской администрации задавали вопросы Хагену Кнаппу, стражники осматривали его жилище и таверну. Ничего заслуживающего внимания блюстители порядка не обнаружили, пока не добрались до кухни заведения, где на огне стоял котел с готовящейся для посетителей едой. На поверхности варившегося супа плавало несколько крыс. После увиденного непотребства Хагена Кнаппа уволокли в городскую тюрьму.

Хотя оба задержанные и отрицали предъявляемые обвинения, для городских властей картина их злонамеренного колдовства была очевидной. Однако судебная компетенция Городского совета, входившего в состав Баварского герцогства города Кельхайма, не позволяла заниматься решением столь серьезного правонарушения, как колдовство[2]. Резиденция обладавшего высшей юрисдикцией окружного суда была построена на фундаменте разобранного в 1476-м году замка герцогов Виттельсбахов. Именно в это ведомство, возглавляемое назначенным герцогом Баварии Вильгельмом V пфлегером бароном Фридрихом фон Вайделем, и были доставлены подозреваемые в колдовстве задержанные вместе с материалами предварительного расследования.

Разбирательство дела в окружном суде не заняло много времени, и прежде всего потому, что подозреваемые довольно быстро изменили свои первоначальные показания. Уже через неделю доверительного общения с окружным следователем на долгих допросах с пристрастием при участии умелых подручных Грета Грос и Хаген Кнапп признали свою вину в колдовстве и целенаправленном отравлении горожан. Оба сознались, что заключили договор с Дьяволом, который наделил их магической силой, а они в ответ поклялись творить зло во славу Врага рода человеческого. Для совершения своего злого умысла они решили использовать таверну. Грета Грос приносила пойманых крыс, жаб, змей и специальный порошок, готовить который

научил сам Нечистый. Все это под прочтение магических заклинаний бросалось в котел с готовящейся пищей. Через некоторое время вываренные тушки доставали, чтобы не вызвать подозрений у посетителей, а подаваемая им еда была уже отравленной. На этом дело было закрыто, а Грета Грос и Хаген Кнапп, обвиненные в колдовстве и злонамеренном отравлении жителей Кельхайма, по приговору окружного суда сгорели почти дотла на церемонии казни, организованной на центральной площади города.

Накануне ареста Хагена Кнаппа умственно отсталый бездомный городской нищий Ганс («Ганс-дурачок» или «Ганс-недоумок» называли его жители Кельхайма) в послеполуденное время сидел у входа в таверну «Leckeres Essen». Ганс крутился возле таверны почти каждый день, потому что добросердечный Хаген Кнапп регулярно отдавал ему оставшиеся хлебные корки и овощные объедки. Ганса в заведении хорошо знали и даже пускали погреться в холода, если в зале не было посетителей. Пока Ганс сидел, прислонившись к стене таверны, оттуда вышла группа мужчин, грубо ругая Кнаппа за жадность, а его похлебку за практически полное отсутствие мяса. Эти сказанные про его благодетеля слова задели Ганса за живое. На следующий день в то время, когда Хаген разговаривал у таверны с членами Городского совета, Ганс улучил минутку и бросил в котел с готовящейся едой самое дорогое, что у него было на тот момент — пять из шести освежеванных тушек крыс, которых ему удалось поймать за ночь. При всем своем огромном желании добавить свежего мяса в подаваемую в таверне еду, он не смог не оставить одну тушку для себя.

1. Leckeres Essen — Вкусная еда (нем.).

2. В отличие от раннего Средневековья в эпоху Ренессанса в германских землях дела о колдовстве в судебной практике стали обыденностью. Данное обстоятельство имеет под собой целый ряд социальных причин. С формально юридической точки зрения это обусловлено появлением к этому времени в кодифицированных источниках права нормативных положений, связанных с верой в магию. Не последним идейным основанием формирования такой веры послужило написание в 1486—87 годах доминиканским инквизитором Генрихом Крамером в соавторстве с деканом Кельнского университета Якобом Шпренгером ставшего популярным трактата «Молот ведьм, уничтожающий Ведьм и их ереси, подобно сильнейшему мечу».

ЧУМНОЙ ДОКТОР ФРАНЧЕСКО КОСТА

В основе этого рассказа лежит фабула одной малоизвестной средневековой флорентийской легенды.

Флоренция, весна 1348-го года от РХ.

В марте на город обрушилась эпидемия «черной смерти»[1]. Мор распространялся очень быстро, на улицах и в церквях лежали трупы, люди бросали дома с зараженными смертельным недугом близкими. В этой ситуации Синьория[2] Флоренции приняла ряд важных решений. Был установлен карантин для вновь прибывших, определены места за территорией города для захоронения умерших в братских могилах, самое крупное из которых получило названия «Ров скорби», создана целая армия могильщиков, основу которой составили специально освобожденные для этой цели каторжники, а также установлен ряд чрезвычайных социальных ограничений. По примеру[3] папы Климента VI был нанят штат так называемых «чумных докторов», в чьи обязанности входило лечение заболевших во время эпидемии чумы.

Среди известных и состоявшихся практикующих врачей было мало желающих войти в штат чумных докторов по понятным причинам наличия высокого риска заражения смертельно опасным заболеванием. Существенным образом это сообщество пополнялось за счет посредственных и/или не нашедших применения своему ремеслу врачей, а также студентов выпускников медицинских факультетов (physician) [4]. Серьезным мотивационным фактором для вступления в штат чумных докторов была очень высокая оплата труда.

Флорентиец Франческо Коста был не доучившимся студентом медиком, работавшим некоторое время сподручным хирурга (surgeon) и получившим кое-какие соответствующие навыки. Он продавал на городских рынках сомнительные с точки зрения эффекта целительные микстуры, настойки и мази от самых разных болезней, делал пространные астрологические прогнозы и практиковал различные способы гадания, сообщая клиентам весьма расплывчатые результаты. По большому счету Франческо Коста был шарлатаном. С приходом эпидемии лишившегося привычного заработка Франческо привлекла высокая оплата работы чумного доктора. Учитывая его примитивные способности в хирургии и отсутствие наплыва кандидатов, Коста был принят в штат чумных докторов.

16-го марта 1348-го года в зале заседаний Городского совета Флоренции состоялось экстренное совещание по поводу противодействия эпидемии. На сходе присутствовали представители городской администрации, клирики, авторитетные врачи и, конечно, чумные доктора. Все безусловно согласились со справедливостью вступительных слов епископа Алессандро Росси, что чума послана Господом как воздаяние за грехи человеческие, за недостаточно крепкую веру католиков, заблуждения еретиков и неверие иноверцев. Однако собравшимся хотелось бы определиться с материальными истоками заразы и попытаться найти средства защиты и противодействия «черной смерти». Реплика старого известного врача Луки Эсподито[5] о том, что возможным источником смертельного заболевания являются невидимые передающиеся при контакте болезнетворные частицы, была встречена в штыки подавляющим большинством присутствующих. Дело в том, что в то время в медицинских кругах господствовала эпидемиологическая теория Гиппократа и Галена, поддержанная и развитая авторитетным Авиценной. В соответствии с теорией «миазмов» причиной болезни является выделяемое земными недрами ядовитое вещество «пневма». Эти зловредные испарения легко переносятся ветром на огромные расстояния. Вторичным источником миазмов являются зараженные и трупы. На совете постановили следующее. В дополнение к уже принятым мерам предотвращения распространения заболевания было решено обустроить несколько изолированных больниц наподобие лепрозориев, где чумные доктора будут лечить заболевших. Чумным докторам предписывалось

носить защитные костюмы[6], предохраняющие их от заражения при контакте с пациентами и трупами.

Вместе со своими коллегами Франческо Коста трудился в больнице, вскрывая и затем прижигая чумные бубоны на телах зараженных, после чего накладывая высушенные шкурки жаб и ящериц, которые должны были вытягивать из плоти яд. Нередко он доставлял в больницу найденных на улицах людей с признаками заболевания. Поскольку других эффективных средств лечения опасного заболевания не было, Франческо решил прибегнуть к терапевтическим экспериментам. С одной стороны, Коста был человеком предприимчивым, per contra — в случае успеха он мог расчитывать на определенные преференции. Так, Франческо пытался вытянуть заразу из тел пациентов при помощи магнитов. Действенных результатов это предприятие не принесло, однако он не преминул заметить коллегам, что подвергнувшиеся воздействию магнитов пациенты жили на два-три дня дольше. Он также возлагал надежды на лечебный отвар, секрет которого узнал несколько лет назад от одного старого знахаря, готовящийся на основе целого букета трав, кожи лесной ящерицы, желчи болотной жабы и размолотых в ступе сушеных пчел. И, о чудо[7], один из больных, которым он давал пить отвар, излечился. Главный по штату врач Марко Ломбарди сказал гордому своим достижением Коста, что ему придется расстаться со своим секретом, если отвар поможет другим больным. Однако чудес больше не произошло. Марко Ломбарди предположил, что излечение это заслуга организма самого пациента, который был крепким молодым мужчиной. А епископ Алессандро Росси авторитетно заявил, что выживший безусловно является богоугодным человеком, которому милость выздоровления даровал сам Господь. Получая изрядное жалование чумного доктора, Франческо Коста не гнушался и легкого мародерства, изымая у мертвых пациентов уже ненужные им деньги и украшения. Но для него, учитывая смертельный риск заражения, этого было явно недостаточно.

Однажды Франческо встретился со старым приятелем кузнецом Марио Бланчи, который за кувшином вина рассказал о надвигающейся на него катастрофе. Год назад он взял деньги под большие проценты у богатого иудея Рафаэля Розенталя для развития производства. И дело действительно пошло на лад. Он без затруднений отложил чуть больше половины суммы долга, и тут три месяца назад на город навалилась «черная смерть». Продажа и, соответственно, производство встали, а полной суммы для отдачи долга ровно через месяц у него нет, и недостающих денег взять негде. Марио сетовал, что праведные христиане католики мрут от заразы как мухи, а ростовщикам иноверцам хоть бы хны, только жиреют. Узнав, что долг Бланчи исчисляется суммой почти в пять раз превышающей его годовое жалование, Франческо Коста вдруг задал Марио вопрос. А что, если он сумеет восстановить христианскую справедливость? Что, если Розенталь заразится смертельным недугом, и Бланчи просто некому будет отдавать долг? Ошарашенный Марио тут же ответил, что готов отдать Франческо всю накопленную сумму, и будет благодарен ему всю жизнь.

На следующий день молодая брюнетка вышла из огромного дома Рафаэля Розенталя. Навстречу ей Франческо Коста вел в больницу едва перебирающую ногами пожилую женщину. Поравнявшись с девушкой, старуха как будто споткнулась и, чтобы не упасть, повисла руками на плечах молодой прохожей. Франческо тут же извинился и оттащил больную, а девушка, вскрикнув от испуга, бросилась прочь. Через пару дней Коста решил подстраховаться и осуществил вторую попытку. На этот раз объектом стал вышедший из дома Розенталя мужчина. Как выяснилось позже, вторая попытка оказалась излишней, потому что уже через день после этого прибежавший с деньгами Марио Бланчи сообщил Франческо, что вчера могильщики забрали тела Рафаэля Розенталя и его дочери Авигайль. Первым желанием Франческо Коста, никогда не державшего в руках такой суммы денег, было завтра же покинуть Флоренцию. Он очень опасался возможных негативных последствий за свои действия. А потому последовавшее предложение от Марио буквально повергло его в ступор. Бланчи предлагал решить подоб-

ную проблему, возникшую у его друга и коллеги по цеху. Правда, кредитором был другой еврей Йегуда Френкель, живший по-соседству с Розенталем. В случае успеха Коста получит еще примерно такую же сумму. Подумав, жадный до денег Франческо решил, что покинуть город с еще большими деньгами он может и через несколько дней, и согласился.

Прогуливающийся возле дома Френкеля Франческо уже выбрал кандидатуру для предстоящей процедуры. Это был сидевший у стены соседнего дома мужчина средних лет, его тяжелое дыхание порождало легкий клекот. Но вот из дома Йегуды Френкеля вышел мужчина, и Франческо направился к больному. Елейным голосом он предложил зараженному пройти с ним в больницу, где его несомненно вылечат от недуга. В широко открывшихся глазах больного сверкнула ненависть. Слабым голосом он сказал Франческо, что узнал его, что ведь это он намедни толкнул в его объятия того несчастного. И прежде, чем Коста воткнул в горло сидящего мужчины стилет, он успел сорвать с Франческо маску и плюнуть мокротой ему в лицо. Франческо Коста умер через два дня, а Ров Скорби стал последним пристанищем «чумного доктора».

1. В середине 14-го века пандемия получившей название «черной смерти» чумы, распространившейся с Востока, охватила всю Европу. Эта разразившаяся катастрофа, унесшая жизни более третьей части европейского населения, стала причиной колоссальных демографических, экономических, социально-политических и других последствий, чрезвычайно изменивших картину жизни Европы.

2. Правительство Флорентийской республики.

3. Считается, что прецедент городского штата чумных докторов во время эпидемии создал папа Климент VI, наняв докторов для лечения зараженных чумой жителей Авиньона в январе 1348-го года. Несмотря на отсутствие эффективных средств лечения, чумным докторам все же удалось достичь некоторых успехов.

4. Медицину в те времена называли «физикой».

5. Эсподито был приверженцем атомистической позиции Лукреция Кара.

6. В начальный период эпидемии стандарта такого костюма не было. Как правило, это была закрывающая лицо маска с защищающими глаза стеклами, кожаный плащ, кожаные или пропитанные воском штаны и перчатки. Привычный нам сегодня (прежде всего благодаря кинематографу) защитный костюм средневекового чумного врача с покрывающим всю голову шлемом со стеклами для глаз и закрывающим нос устрашающим клювом обязан своим появлением французскому доктору Шарлю де Лорму в начале 17-го века.

7. Это действительно представляется чудом, потому что исцелившихся от «черной смерти» в средневековой Европе были единицы.

ОСНОВНОЙ МОТИВ

26-го марта 1351-го года в период вооруженного конфликта, получившего название «война за бретонское наследство»[1], произошло неординарное сражение между противоборствующими сторонами, известное в истории как «бой тридцати». С каждой стороны тридцать воинов сошлись с тридцатью врагами в жестокой пешей схватке.

Считается, что поводом для происшествия послужило грубое нарушение перемирия англичанами под предводительством коменданта замка Плоэрмель Ричарда (или Роберта) Бембро (или Пембрука), которые якобы совершали разбойничьи вылазки в округе. Французский командующий гарнизоном крепости Жослен коннетабль Бретани Жан де Бомануар бросил англичанам вызов. В результате контакта договорились не просто о поединке, а о сражении, в котором примут участие по тридцать пеших воинов с каждой стороны. Местом встречи был назначен хорошо известный ориентир — одинокий дуб, росший практически на полпути между Плоэрмелем и Жослен. Французских рыцарей и оруженосцев из Бретани возглавил Бомануар, тогда как с английской стороны под предводительством Бембро участие приняли как английские рыцари и сквайеры, так и иностранные наемники. Известно, что за боем наблюдали не только военные из каждого лагеря, но и окрестные крестьяне. Сражение проходило отдельными стычками, после каждой из которых наступала кратковременная передышка. Во время перерыва бойцы переводили дух и пили вино, а с поля боя убирали мертвых и раненых, оказывая последним посильную помощь. Сначала верх одерживала английская сторона, несмотря на то, что в одной из стычек был убит Бембро. Во время последней передышки внезапно исчез французский оруженосец Гийом де Монтобан. Когда схватка началась, Гийом де Монтобан верхом на коне вероломно, обойдя с тыла, врезался в группу англичан, нанося противнику удары со спины, и сбил с ног семерых воинов. В результате сумевшие воспользоваться обстоятельством бретонцы победили.

Я намеренно привел очень краткое и сжатое описание этого не имеющего ровным счетом никаких последствий, но очень запомнившегося современникам небольшого эпического сражения[2], участников которого хронист и историк Жан Фруассар сравнивает с Роландом и Оливье, потому что меня интересовал лишь общий контекст действий оруженосца Гийома де Монтобана.

И в этом пронизанном духом рыцарства контексте поступок оруженосца с точки зрения канонов чести выглядит подлым, недопустимым и бросающим тень позора на французскую сторону. Действительно, оговоренные условия сражения, по сути, соответствовали правилам рыцарского поединка, и им неукоснительно следовали все остальные участники. Из письменных свидетельств этой схватки известно, что сдавшихся противников отпускали под честное слово и они покидали поле боя. Несколько оруженосцев во время передышек попросили посвятить их в рыцари, и в награду за их отвагу они на самом деле были посвящены. И тут Гийом де Монтобан вдруг, нарушая условие пешего боя, использует лошадь, да еще низко нападает со спины. При этом действия оруженосца, как следует из текста бретонской баллады[3], не были результатом приказа кого-то вышестоящего. Он сделал это исключительно по своему усмотрению. Но что заставило сына благородного рыцаря Жоффруа де Монтобана нарушить заветные правила рыцарского этикета. Быть может, он желал победы в сражении чуть больше других участников, победы любой ценой?

По-видимому, этот вопрос заинтересовал и историка-медиевиста Джона Пристли, который недавно, просматривая средневековые хроники, обнаружил пару интересных фактов. Во-первых, оказалось, что 5-го марта 1351-го года в стычке с англичанами недалеко от крепости Жослен погиб охранявщий обоз с провиантом некий Жак де Контье. А, во-вторых, 11-го апреля 1351-го состоялась свадьба Гийома де Монтобана с девицей Жанной де Контье. В

этом отношении у Джона Пристли возникает резонное подозрение, что, возможно, Жак Контье это брат Жанны Контье, которая по вполне понятным причинам горела желанием отомстить. Влюбленный в нее Гийом, стараясь угодить будущей невесте, оказывается в первых рядах добровольцев, вызвавшихся принять участие в сражении. А, может быть, победа в схватке вообще была условием свадьбы. Alias, Пристли предполагает, что кроме мотивирующих стремлений к восстановлению справедливости, соображений патриотизма и личных амбиций действия Гийома были обусловлены очень конкретной личной мотивацией, связанной с взаимоотношениями с мадемуазель де Контье. Действенность такого рода мотивации становится совершенно очевидной, если вспомнить множество случаев в человеческой истории, когда ради любви люди шли и не на такое. Вероятно, де Монтобан был намерен победить в честном бою, но, увидев, что шансы на победу ускользают, решился на внезапно пришедшую в голову бесчестную хитрость, буквально вырвавшую победу из рук англичан. Резюмируя сказанное, отметим, что хотя данное предположение о дополнительной, и по-видимому основной, мотивации оруженосца Гийома де Монтобана телеологически и объясняет его поведение, оно, безусловно, не отменяет оценки этого поступка как подлого и неблагородного с точки зрения канонов рыцарской морали.

1. Военный конфликт (1341—1364) между графами Блуа и Монфор за контроль над герцогством Бретань. Традиционно включается в серию военных конфликтов, которые, чередуясь с перемириями, собственно и представляют собой так называемую Столетнюю войну (1337—1453) между Францией со странами-союзниками и Англией с поддерживающими ее государствами.

2. Желающие получить более подробные сведения о «бое тридцати» могут легко найти их в Интернете. Что касается достоверной информации об этом событии, то можно посоветовать обратиться к соответствующим статьям в Энциклопедии Столетней войны Д. Вагнера, 2006 и «Британнике», а также к тексту бретонской поэмы 14-го века. Конечно, существуют и другие источники. Например, дошедшие до наших дней средневековые хроники, обращение к которым, как правило, оказывается уделом специалистов.

3. Его уход с поля боя сначала даже был расценен как трусость.

ОБ ОДНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СВИДЕТЕЛЬСТВЕ

Франция, 1525-й год.

В последний день июля граф Кристоф де Крепон собирался с размахом отпраздновать семнадцатилетие своей дочери красавицы Луизы де Крепон. Конечно, одним из первых гостевое приглашение было отправлено семейству графа де Виржи. И дело не только в том, что Луиза была помолвлена с сыном графа Джорода де Виржи Жоффруа.

Владения двух древних графских родов де Крепон и де Виржи находились по-соседству. В стародавние времена бывало, что феодалы порой даже враждовали и спорили по поводу расположения межевых камней. Но все изменилось после событий 7-го октября 1271-го года, когда благодаря неравнодушному вмешательству графу Аделарду де Виржи удалось наказать убийцу графа Луи де Крепона. К сожалению, де Виржи с подчиненными не успели спасти жизнь старого графа, но все же покарали убийцу и спасли от предполагаемого покушения его сына Леонарда де Крепона. После этого происшествия, обстоятельства которого были тщательно зафиксированы хронистами в родовых летописях, между аристократическими фамилиями на века установились добрососедские дружеские отношения. Не раз они скреплялись и брачными узами, а представители семей де Крепон и де Виржи, знакомясь с историей своего рода, обязательно сталкивались с этим историческим свидетельством знаменательного события.

Франция, вторая половина XIII-го века.

Граф Аделард де Виржи слыл человеком образованным и, по-видимому, был им в самом деле. В его замке находилась внушительная по тем временам библиотека, состоящая из более сотни манускриптов, содержащих сведения из самых различных областей знания: богословия и философии, истории и математики, астрономии и астрологии, физики и алхимии. Более всего графа де Виржи интересовала сфера скрытых знаний, где тайны мироздания приоткрывались лишь посвященным посредством погружения в занятия герметизмом и эзотерикой, каббалистикой и пифагорейством, магией и алхимией. Он черпал знания из книг, с удовольствием общался при случае с учеными людьми, привечал в замке разного рода мудрецов, знахарей и странствующих пилигримов.

Летом 1270-го года графу Аделарду де Виржи благодаря осведомителям стало известно, что живущему отшельником занимающемуся практической алхимией лекарю Габриэлю Бонне, возможно, удалось открыть тайну получения магического эликсира, который останавливает старение и продлевает жизнь. Вызванный в замок Габриэль сообщил графу де Виржи, что действительно занимается алхимией для получения лечебных средств, что его очень интересует открытие тайны магического эликсира жизни, но пока ему не удалось добиться положительного результата. На этом разговор закончился и с позволения графа лекарь вернулся домой. Однако буквально через пару дней от посетившего замок странствующего мудреца граф узнал следующее. Странник встретился с Габриэлем Бонне, молва о чудесных снадобьях которого распространилась далеко за пределы места его недавнего обитания. После обильных возлияний Габриэль не смог удержаться и похвалился недавно полученным им магическим эликсиром. Несмотря на сопротивления сына, который, по-видимому, является его учеником, Бонне показал ему маленький пузырек с прозрачной жидкостью алого цвета. Рассказ взбесил Аделарда де Виржи, и он принял быстрое и жестокое решение.

Рано утром граф с двумя преданными приближенными шевалье появился в одиноко стоящем на самой опушке леса доме Бонне. Уговоры не подействовали, Габриэль стоял на том, что не сумел проникнуть в тайну получения эликсира жизни. Тогда в ход пошли пытки и шантаж. Бонне продолжал упорствовать. На его глазах были убиты дочь и жена, а затем и сам Габриэль умер от пыток. Граф с подручными перерыли весь дом, но не нашли ничего инте-

ресного. Несколько часов они прождали возвращения сына Габриэля Бенедета, который с восходом солнца отправился далеко в лес для сбора лекарственных растений, в надежде, что он окажется более сговорчивым, чем его родитель. В какой-то момент чувство голода взяло верх, и граф с людьми вернулся в замок, отложив встречу с сыном Габриэля на завтрашний день. Но следующим утром они снова не обнаружили в доме Бенедета. Возможно, вернувшись домой и увидев страшную картину произошедшего, Бенедет решил не оставаться на ночь в отчем доме, а, прихватив кое-какие вещи, ушел прочь. К огромному сожалению Аделарда де Виржи поиски Бенедета в близлежащих селениях не дали результата.

Прошло чуть больше года, когда умная и эффектная молодая служанка и тайная любовница графа Аделарда Эмма, которой де Виржи всегда доверял секретные и требующие смекалки поручения, случайно встретила Бенедета на рынке в одном находившемся неподалеку городке. Женщина тут же узнала от него основное — Бенедет служит лекарем у графа де Крепон, он частенько бывает в этом городке и не знает, кто мог так жестоко расправиться с его семьей. Эмма сама предложила понравившийся графу план, в соответствии с которым она, пользуясь тем, что нравится Бенедету, должна была пригласить его на свидание в безлюдном месте. Экзальтированный в преддверии встречи с Эммой Бенедет мгновенно остыл, когда вместо нее перед ним предстал Аделард де Виржи со своими неизменными помощниками. В сложившихся обстоятельствах Бенедет не стал проявлять упорства. Он поведал графу, что пробной дозы магического эликсира больше нет, поскольку ее успел употребить отец, что, впрочем, не помогло ему избежать смерти, что отцовские рукописи с описанием опытов зарыты им в саду графа де Крепона, что он покажет это место и поможет незаметно проникнуть в графский замок.

В то время, как Бенедет снимал слой дерна, чтобы достать кожаную сумку с листами пергамента, а де Виржи с охраной прятались за ветвями деревьев, старый граф Луи де Крепон смотрел из окна в сторону сада. Роющийся в земле и озирающийся при этом по сторонам лекарь вызвал крайнее любопытство графа, и он спустился вниз. Увидев, что уже уложивший на место пласт дерна Бенедет отдает кожаный сверток посторонним вооруженным людям, Луи де Крепон гневно спросил, что происходит и что делают чужаки на его земле. В запальчивости де Виржи тут же успокоил старого графа ударом кинжала. Будучи очень находчивым человеком, далее Аделард действовал молниеносно. Бенедет был ему больше не нужен и даже представлял очевидную опасность, но он мог помочь в сложившихся обстоятельствах. Де Виржи с силой ударил мечом сбоку по шее Бенедета, чуть не отрубив голову совсем. Затем он вытащил свой кинжал из горла мертвого графа, а на его место вставил выхваченный из ножен на поясе де Крепона клинок. Вместе с подручными они положили бездыханного Бенедета частично на тело старого графа, а в правой руке лекаря зажали рукоять торчащего из горла кинжала. Когда подбегали люди де Крепона, де Виржи, выкрикнув «Получай убийца!», сделал вид, что наносит удар мечом. Узнавшим графа де Виржи подоспевшим стражникам де Крепона предстала страшная картина, красноречиво свидетельствующая о том, что произошло. Граф Аделард де Виржи взволнованно рассказал оставшимся теперь за главных управляющему и начальнику стражи, поскольку единственный член семьи графа его сын Леонард был в отъезде, что несколько часов назад узнал о готовящемся покушении лекаря на старого графа от доверенной служанки. Кто-то убедил Бенедета, что именно граф Луи де Крепон уничтожил его семью и даже представил какие-то свидетельства. Де Виржи, конечно, не верил в вину графа, но был уверен в решительности лекаря отомстить. К сожалению, он опоздал, и убийца успел осуществить свой замысел. Однако он настиг Бенедета практически в момент преступления и справедливо покарал убийцу. Только эти обстоятельства заставили его самовольно без разрешения проникнуть в чужие владения. В контексте того, что об относительно недавней жестокой расправе над семьей Бонне было известно всей округе, а также того, что в замке де Крепона хорошо знали о страстном желании Бенедета выявить виновника этой тра-

гедии и отомстить ему за смерть родных, слова де Виржи выглядели довольно убедительными. Правда, граф впопыхах не успел выяснить у служанки все известные ей обстоятельства, но пообещал завтрашним утром приехать в замок де Крепона вместе с ней.

Вернувшись домой, Аделард судорожно искал правдоподобные для высказанной им версии варианты. И снова ему на помощь пришла Эмма, которая вовремя вспомнила об одноглазом Жаке и его жене Жюстине, живущих в одной из деревенек во владениях де Виржи. В свое время Жак Одноглазый служил конюхом у де Крепона, но лет шесть назад, будучи уличен в воровстве, был публично высечен и выгнан из замка. При экзекуции ему ненароком выбили глаз, а у Жюстины от нервного потрясения случился выкидыш, после которого женщина уже не могла иметь детей. Супружеская чета выглядела вполне подходящей кандидатурой. К тому же семья Бонне осела в этом краю всего года три назад и вела крайне уединенный образ жизни, а потому вряд ли Бенедет мог заподозрить, что посредством своего рассказа Жак и Жюстина пытаются добиться своей цели благодаря уже его действиям.

На следующее утро в замке графа де Крепона Эмма в роли наивной недалекой служанки рассказала присутствующим, что случайно стала незамеченной свидетельницей встречи лекаря графа с Жаком Одноглазым и его женой. Как она поняла, они собирались открыть Бенедету за деньги тайну гибели его семьи. Супруги объясняли ему, что очень рискуют и им, возможно, даже придется покинуть родные края, а для этого нужны средства. Они наперебой говорили, что в тот день направлялись в дом Габриэля Бонне за снадобьями, но, увидев перед домом графа Луи де Крепона с вооруженными всадниками, спрятались за кустами. Граф выпытывал у отца Бенедета какую-то тайну, связанную с получением какого-то магического зелья. В конце концов вся семья была убита, а они после отъезда графа с людьми нашли около дома кинжал с гербом дома де Крепон, который они и показали лекарю. Во время разговора Бенедет не раз нервно сжимал кулаки и клялся, что сегодня же убьет графа, а потом и его единственного сына, когда тот вернется домой. После ее рассказа слово взял граф де Виржи и сказал, что уже отправил своих людей, чтобы они доставили в замок де Крепона Жака и его жену для разбирательства. Через пару часов посланные Аделардом всадники действительно появились, но супружеской четы с ними не было. Из их рапорта графу де Виржи следовало, что они настигли Жака и Жюстину на дороге из деревни, когда те уже, похоже навсегда, покинули свою жалкую лачугу. Заметив их быстрое приближение, женщина тут же побежала к находящемуся рядом озеру и бросилась в воду, где по неосторожности и утонула. А Жак Одноглазый оказал сопротивление и его пришлось убить. Но перед смертью он сознался, что они оговорили графа Луи из мести. Один из воинов достал небольшой мешочек с деньгами, обнаруженный на поясе у Жака, в котором Эмма тут же признала кожаный кошель, который Бенедет передал при встрече Жаку с женой. Поскольку слова Эммы и прибывших шевалье не вызывали никаких сомнений у людей графа де Крепона и вполне проясняли обстоятельства вчерашней трагедии, то принявшим на себя временное бремя ответственности за феод осталось лишь высказать признательность графу де Виржи от лица отсутствующего ныне нового хозяина.

Вскоре унаследовавший от отца владения и титул молодой граф Леонард де Крепон вернулся из крестового похода, где отважно сражался под знаменами Людовика IX, получившего Крест из рук папы Климента IV. Почти сразу по возвращении домой граф Леонард засвидетельствовал свое почтение графу Аделарду де Виржи и выразил искреннюю благодарность за участие. Именно этот визит и положил официальное начало дружественных и добрососедских отношений между аристократическими домами де Крепон и де Виржи.

Судьба рукописей Габриэля Бонне осталась неизвестной, как и результаты деятельности графа Аделарда после ознакомления с ними. Но из анналов семьи доподлинно известно, что граф Аделард де Виржи умер от внезапного приступа 5-го июля 1277-го года. По-видимому, Эмма рассказала правду о гибели семьи Бонне и смерти графа Луи де Крепона в своей предсмертной исповеди некоему отцу Теодору, который записал показавшуюся ему интерес-

ной историю в своем дневнике, провалявшемся несколько столетий, пока в середине XIX-го века его не обнаружил в пыльном архиве одного из доминиканских монастырей историк Роман Базель. Однако к тому времени славные графские роды де Крепон и де Виржи уже прекратили свое земное существование, оставшись в истории благодаря летописным хроникам своей жизни.

ИСТОРИЯ О ХУАНЕ САНЧЕСЕ

Северная Испания, Бургос, 1600-й год. В 1599-м на севере Испании бушевала чума. Эпидемия угасала, но отдельные вспышки болезни случались и год спустя. Городское население все еще находилось под гнетом панического страха и истерического напряжения.

Предлагаемое повествование о произошедших тогда событиях целиком и полностью базируется на исторических документах и свидетельствах.

Из архива городских происшествий г. Бургоса за 1600-й год.

1-го мая тело диакона церкви Сан-Лесмес Лопеса Гомеса обнаружили в водах Арлансона. Труп был совершенно обескровлен, в области артерий и вен имелись многочисленные порезы.

Из доноса рыбака Хуана Санчеса альгвасилу[1] Хосе Гонсалесу.

Еще затемно 1-го мая он отправился проверять расставленные на реке снасти. Вдруг он сначала услышал шум приближающего экипажа, а затем увидел, как двое людей выбросили в воду тело в одежде церковного служителя. Сам Хуан остался незамеченным для прибывших. Экипаж тут же уехал, а один из сопровождавших остался. Он некоторое время осматривался, а потом отправился вслед за экипажем. Санчес проследил за ним. Сначала он зашел в один большой дом, а затем отправился к церкви Сан-Лесмес, где ему открыли дверь «черного входа». Как показалось Хуану, с ним разговаривал сам настоятель.

Из допросов Хуана Санчеса у коррехидора[2] сеньора Де Ла Круз.

Задержанный Хуан Санчес пересказал Де Ла Крузу содержание своего доноса альгвасилу и сказал, что пошел в храм Сан-Лесмес, чтобы еще раз послушать на проповеди голос падре Антонио Гарсиа. Во время проповеди он почувствовал непривычную тяжесть в левом кармане и достал рукой содержимое. Им оказалась банка с неизвестным ему содержимым. Заметив это, знатный по виду стоявший слева от него господин громко поинтересовался, что он держит в руках. А затем толпа насильно отвела его к альгвасилу.

Присутствующий на допросе Хосе Гонсалес отрапортовал коррехидору, что дом, о котором в своем доносе говорит Хуан Санчес принадлежит сеньору Де Ла Вега, который ни о каких ночных визитерах ничего не знает. Что касается аббата Антонио Гарсиа, то, по его словам, он в то время спал, а открытие дверей, уж точно, не входит в круг его обязанностей. Хуана Санчеса к нему приволокла толпа, народ очень боится чумных мазей[3] отравителей.

В то время, как Хуан Санчес был заключен в камеру, Де Ла Круз распорядился проверить содержимое изъятой банки. Штатный консультант дал однозначный ответ, что мазь очень ядовита. Тогда коррехидор санкционировал обыск дома Хуана Санчеса.

В доме рыбака Хуана Санчеса представителями закона было обнаружено следующее. На столе у окна лежали раскрытые манускрипты на латыни с непонятными графами и причудливыми символами на страницах, а в подвале были лужи крови и начертанные на земляном полу пентаграмма, линии и знаки.

От предъявленному ему свидетельства Хуан Санчес впал в замешательство и не знал, что сказать. В результате коррехидор Де Ла Круз постановил, что задержанный Хуан Санчес должен быть передан в руки Святой Инквизиции.

Из протоколов заседания Трибунала Святой Инквизиции в г. Бургосе по делу Хуана Санчеса под председательством инквизитора Его Преосвященства Мартинеса Фернандеса.

На начальном этапе заседания Хуан Санчес придерживался прежних показаний о случившемся. На вопросы отца Мартинеса, что он делал в ночь на 1-е мая в подвале, откуда у него

запрещенные Римской католической церковью как еретические книги «Veniam pro Lucifero» и «Evangelium Iudae», Санчес ответил, что сотворенное в подвале сделано не им, а книги, как и банка с мазью, кем-то ему подкинуты. Его Преосвященство с ухмылкой заметил, что не слишком ли много внимания мифических злоумышленников привлекла к себе ничтожная персона Хуана Санчеса? Не проще ли предположить в свете имеющихся фактов, что убийцей отца Лопеса является именно Хуан Санчес, сделавший донос альгвасилу, чтобы отвести от себя подозрения. Не разумнее ли подозревать, что подсудимый впал в ересь еще более мерзкую, чем ересь катар и алюмбрадос — сатанизм? Что в Вальпургиеву ночь, когда зло всесильно, Хуан Санчес для умиротворения своего темного хозяина провел у себя в подвале богопротивный ритуал, после которого, обретя колдовские силы, изготовил ядовитую мазь?

Присутствующий на заседании в качестве свидетеля аббат Гарсиа сделал небольшое уточнение. Он предположил, что Хуан Санчес — люциферист[4]. В дополнение Антонио Гарсиа добавил следующее. Люциферисты это еретики, поклоняющиеся Сатане до его низвержения Господом с небес — сияющему ангелу Люциферу. Убийство священников и использование их крови в своих преступных ритуалах для них обычная практика. В 1234-м году был прецедент изобличения Святой Инквизицией секты люциферистов во главе с женщиной по имени Лукардис.

В виду того, что подсудимый продолжал отрицать обвинения, инквизитор Мартинес Фернандес решил сделать перерыв в заседании трибунала на несколько дней, в течение которых в ходе допросов с пристрастием надеялся получить от подсудимого новые сведения о случившемся.

На открывшемся после трехдневного перерыва заседании суда трибунала Хуан Санчес дал следующие показания. Подсудимый утверждал, что является служителем Люцифера. Вечером 30-го апреля он заманил отца Лопеса в безлюдное место, а затем убил и притащил тело к себе в подвал. В ночь ведьм он совершил магический ритуал, после чего получил от своего хозяина сосуд с болезнетворной заразной мазью, которая для него самого была безвредной. Труп священника он сбросил с берега в Арлансон, а затем отправился к альгвасилу, чтобы навести тень подозрения на одних из ненавистных его кумиру людей — служителя господа аббата Гарсиа и ревностного христианина сеньора Де Ла Вега. Наконец настала очередь кары местного христианского населения. Для этого Хуан Санчес отправился в церковь Сан-Лесмес, чтобы после проповеди незаметно нанести заразную мазь на церковные скамьи и любые поверхности, с которыми могли соприкоснуться тела прихожан и священнослужителей.

По решению Трибунала Святой Инквизиции отлученный от Римской католической церкви закоренелый еретик Хуан Санчес предавался в руки светского правосудия. Приписка гласила «debita animadversione puniendum»[5].

Из архива городских происшествий г. Бургоса за 1600-й год.

21-го мая по приговору светского суда Бургоса по обвинению в убийстве, колдовстве и отравительстве Хуан Санчес был сожжен на костре. Процедура аутодафе была организована на главной площади города и прошла при полном одобрении возмущенного преступлением отравителя городского населения. На церемонии присутствовали многие почетные горожане: сеньор Де Ла Вега, аббат Антонио Гарсиа, инквизитор Мартинес Фернандес, коррехидор Де Ла Круз….

1. Судебные приставы и полицейские, следившие за соблюдением законов на местном уровне.

2. Чиновник, назначаемый для управления городом и надзором за правопорядком, «глаза и уши» короля.

3. Идея о том, что вспышки чумной эпидемии дело рук отравителей — иноверцев и прислужников врага рода человеческого — была весьма популярна еще со времен пандемии «черной смерти» в 14-м веке. Однако своего апогея истерия чумных мазей достигла в конце 16-го — начале 17-го веков.

4. Люциферианство — разновидность сатанизма. Из исторических свидетельств достоверно известно, что членами тайных сообществ-сект люцифериcтов часто становились врачи и ученые, представители городской знати и даже католические священники.

5. «Да будет наказан по заслугам».

VIA AD MAGISTERIUM[1]

Предлагаемое вниманию повествование содержит сведения из истории жизни одного итальянского алхимика, знахаря, авантюриста и шарлатана по имени Томмазо Ломбарди, почерпнутые из его чудом сохранившихся дневников.

Подданный Неаполитанского королевства Томмазо Ломбарди родился в 1334-ом году в небогатой семье городского дворянства Таранто. Получив приличное образование, заинтересовавшийся алхимией Томмазо поступил учеником к известному в Таранто алхимику Геберу[2]. Ломбарди пишет, что в течение четырех лет усердно постигал навыки лабораторной работы, жадно впитывал идеи учителя и с большим интересом внимательно изучал книги по алхимии в его библиотеке. Идея получения чудесного вещества, ускоряющего процесс облагораживания металлов, которое еще много веков назад упоминал в своих трудах Джабир ибн Хайян[3], называя его Великим эликсиром, целиком и полностью овладела сознанием Томмазо. На приобретенных листах пергамента он с особым тщанием аккуратно записывал свои и чужие мысли о сущности Магистерия (Философского камня или Великого эликсира) путях и способах его получения, и использования в процедурах трансмутации металлов. Нередко записи сопровождались поясняющими рисунками, диаграммами и символами. Завершив обучение у Гебера, Ломбарди продолжил занятия алхимией дома, на первом этаже которого организовал небольшую лабораторию. При этом Томмазо отнюдь не был затворником, о его склонностях к гедонизму свидетельствуют упоминания в дневнике о приключениях с женщинами и пирушках с друзьями, которые гармонично перемежались в его жизни с учеными занятиями.

Шли годы, Ломбарди с регулярным энтузиазмом проводил эксперимент за экспериментом, пытаясь добиться горячо желаемой цели. Но тщетно, раз за разом опыты приводили к отрицательному результату. Мало-помалу былой запал Томмазо стал затухать. А самое главное, о чем он с прискорбием пишет в своих заметках, оставшиеся ему от родителей скромные фамильные деньги подошли к концу. В это время оставшийся практически без средств существования Ломбарди знакомится с неким Рикардо Манчини. Томмазо характеризует Манчини как человека образованного и эрудированного, обладающего знаниями в области алхимии, астрологии, медицины, философии и даже теологии. Однако не обладая состоянием и не имея богатого покровителя, Рикардо все свои знания поставил на службу единственной практической прикладной цели — заработку. Он занимался врачеванием, имея в активе десятки рецептов лекарств от самых разных недугов и делая массаж, практиковал различные виды и способы гадания и предсказания, составлял астрологические гороскопы, публично осуществлял эффектные алхимические опыты, изготовлял, а затем продавал амулеты и обереги, и даже организовывал лотереи. Судя по всему, Ломбарди попал под влияние Манчини, и прежде всего потому, что у Рикардо благодаря его деятельности всегда водились деньги. Вскоре Томмазо начал заниматься ровно тем же. Поиски философского камня, как говорится, были отложены в долгий ящик, но материальное положение, к радости Ломбарди, быстро поправлялось.

Однажды в 1366-ом году они с Манчини демонстративно провели трансмутацию свинца в золото в доме герцога Боргезе. Проекция была фиктивной, но не заметивший фальши герцог снабдил алхимиков солидной суммой, чтобы они, получив значительное количество магического вещества, занялись превращением неблагородных металлов в золото под его эгидой. По понятным причинам приятели предпочли, захватив полученные деньги, покинуть Таранто и направиться в земли Священной Римской империи.

Следующие заметки в дневнике Ломбарди появляются уже в баварском Аугсбурге, где он ведет относительно спокойную жизнь вплоть до лета 1374-го года, когда по воле случая ему пришлось принять непосредственное участие в лечении недуга графини фон Оттон. Семейный врач графа Дитриха фон Оттона внезапно умер, а в скором времени неожиданно забо-

лела графиня. Посланники графа обратились к Томмазо Ломбарди, поскольку он жил совсем рядом с графской усадьбой. Осмотрев женщину, Томмазо дал ей несколько лечебных снадобий. Однако после терапевтического вмешательства Ломбарди, что, безусловно, не означает по причине, графиня на следующий день скончалась. Опасаясь обвинений в ее смерти, Томмазо покидает Аугсбург.

В начале осени того же года Томмазо Ломбарди обосновывается в Париже. Со временем он знакомиться в городе с кругом близких ему по духу людей. Среди них оказывается известный в Париже алхимик и книготорговец Николя Фламель[4], озабоченный в то время изучением сведений по каббалистике, алхимии и натурфилософии, содержащихся в недавно приобретенной им рукописи «Священная книга еврея Авраама». На протяжении нескольких лет в жизни Ломбарди не происходит каких-либо значимых событий, а вот в 1382-ом году среди знакомых Томмазо распространилась молва, что Фламель все же открыл тайну получения Магистерия. Косвенными подтверждениями этого служили слух о продаже Фламелем слитков золота проезжему купцу и уже вполне реальное публично известное приобретение им в собственность тридцати городских домов, что совершенно не вязалось со скромным образом жизни семьи Фламелей. В конце семидесятых годов Николя Фламель уехал в Сантьяго-де-Компостела, чтобы, встретившись с мудрецами еврейской общины, прояснить часть написанного на арамейском языке текста столь интересующей его книги. По мнению некоторых, возможно именно благодаря этим новым сведениям Фламель и нашел путь к философскому камню.

Заинтригованный новостями Ломбарди поспешил навестить Николя Фламеля. Приветливо встретивший его Фламель, совершенно не скрывавший своего триумфа перед людьми посвященными, показал пораженному увиденным Томмазо уже остывшие после вчерашней трансмутации небольшие слитки золота в тиглях. Фламель рассказал Ломбарди, что в период своей поездки в Испанию познакомился в еврейской общине со страдающим смертельным недугом каббалистом и алхимиком Моше Левиным. Умирая, Моше передал ему книгу Раймунда Луллия[5], которую в свое время приобрел у одного книготорговца в неаполитанском Таранто. Именно благодаря вдумчивому прочтению небольшого, но гениального труда «Via ad Magisterium», включая то, что открывается пытливому уму при чтении между строк, Николя Фламелю и удалось разгадать тайну философского камня. Процедура получения магической субстанции, как и используемые в ней компоненты, безусловно, останутся его секретом, а вот послужившую достижению результата книгу он вполне может показать. С этими словами Фламель достал из шкафа и положил на письменный стол перед Ломбарди заветный манускрипт.

Взглянув на книгу, ошеломленный Томмазо замер в оцепенении. Много лет назад он, по совету Рикардо Манчини, чтобы получить хоть какую-то выгоду от результатов своих ученических штудий, отдал листы с записями в переплет и, подписав рукопись именем уже успевшего заслужить непререкаемый авторитет среди ученых мужей Европы Раймунда Луллия[6], продал местному книготорговцу.

1. Путь к Магистерию (лат.).

2. Алхимик 14-го века, известный в истории алхимии как Гебер Латинский или Псевдо-Гебер. Сведений о его биографии очень мало, но до наших дней дошли его труды: «Summa perfectionis», «Liber fornacum» и другие.

3. Знаменитый арабский алхимик 9-го века.

4. Николя Фламель (1330—1418) — известный французский книготорговец и алхимик, а впоследствии и меценат. Существует легенда, что ему удалось открыть тайну философского камня, а полученный эликсир помог ему продлить человеческую жизнь на нереально долгий срок. Есть документальные свидетельства различных людей о том, что в несколько последующих веков чету Фламелей якобы видели в разных уголках земного шара.

5. Раймунд Луллий (1235—1315) — каталонский философ и теолог, поэт и миссионер. Труды Луллия оказали колоссальное влияние на европейскую культуру позднего Средневековья и Возрождения.

6. Как удалось выяснить благодаря современным методам исследования, целый ряд трудов, подписанных именем Раймунда Луллия, в действительности ему не принадлежат. Неизвестные авторы просто апеллировали к его авторитету. Большинство манускриптов Псевдо-Луллия посвящены теме алхимии, которой Раймунд Луллий, вообще говоря, не занимался. Кроме «Via ad Magisterium» можно упомянуть такие тексты Псевдо-Луллия, как: «Testamentum» и «Liber de secretis naturae seu de quinta essentia».

ГИБЕЛЬ ВЛАДА III ДРАКУЛЫ

Заголовок невольно отсылает к герою романа Б. Стокера «Дракула». И в данном случае ассоциация верна, поскольку большинством исследователей творчества Брэма Стокера признается, что прообразом заглавного героя его романа действительно является историческое лицо — господарь Валахии Влад III Дракула[1]. Эта связь Влада III с широко известным героем нашумевшего романа отбрасывает на него тень таинственного мистического флера и, безусловно, подогревает интерес к личности этого валашского правителя позднего Средневековья. Реальный прототип Дракулы не был ни графом, ни, конечно, вампиром. Обстоятельства смерти Влада III считаются неизвестными. Но прежде, чем пролить на них некоторый свет благодаря открывшемуся недавно источнику, представляется уместным кратко остановиться на основных моментах его биографии.

Влад III Дракула (1431—1476) получил прозвище «Дракула» от отца, который был рыцарем ордена Дракона (Дракул), господарь Валахии в!448, 1456—1462 и 1476 годах. Юность с 1444 по 1448 год Влад III провел в Турции. Его отец сместил на троне Басараба II с помощью армии Османской империи, а сыновья Влада II отправились к султану в качестве заложников. После гибели отца в 1447-ом году Влад III впервые стал во главе Валахии в 1448-ом. За время своего правления он прославился крайней жестокостью, за что получил от турок прозвище «Цепеш» (колосажатель). Известен он и как благотворитель, потративший немалые средства на процветание христианской церкви.

В своих претензиях на трон Валахии Владу приходилось лавировать между интересами Священной Римской империи, королей близлежащих Венгрии и Польши, и могучей Османской империи. С 1456 по 1462 Влад III предпринял несколько военных походов против турок. Во время последней кампании летом 1462-го вследствие предательства младшего брата Раду III Красивого, который благодаря турецкой протекции в результате занял трон Валахии, Влад был вынужден бежать в Венгрию, где по ложному обвинению в сотрудничестве с турками провел двенадцать лет в тюрьме. Но обратимся к последнему этапу его правления Валахией в 1476-ом году, который продлился около месяца.

Получивший свободу в 1475-ом году и высокий военный чин в венгерской армии короля Матьяша («королевский капитан») Влад III Дракула снова участвует в походах против турок в 1476-ом сначала в Сербии, затем в Боснии. Летом того же года вместе с королевским капитаном Штефаном Батори помогает молдавскому господарю Штефану Великому отразить нападение турок. А осенью Штефан Великий и Штефан Батори помогают Владу III сместить Лайоту Басараба III Старого с трона Валахии, на который он взошел после смерти Раду Красивого. В конце ноября в столичном Тырговиште собрание знатных людей Валахии избрало Влада III Дракулу господарем. А уже 14-го декабря Влад III Дракула был убит, и валашский престол снова захватил протурецки ориентированный Лайота Басараб Старый.

На сегодняшний день достоверных свидетельств об обстоятельствах смерти Влада III Дракулы нет. Есть лишь одно довольно общее свидетельство его гибели молдавского князя Штефана Великого, в котором говорится, что после их ухода со Штефаном Батори из Валахии с Владом III расправился прежний господарь Лайота Басараб. Однако на этот счет существует немало часто противоречивых мнений, предположений и поверий. Так, летописец средневековой австрийской и венгерской истории Якоб Унрест (1430—1500), и польский историк и дипломат Ян Длугош (1415—1480) сходятся во мнении, что Влад Цепеш был отравлен своим слугой, подкупленным турками и/или Басарабом Старым. В «Сказании о Дракуле воеводе», вероятным автором которого является возглавлявший русское посольство к венгерскому королю Матьяшу и молдавскому господарю Штефану дьяк Ивана III Федор Курицын, говорится, что Влад Дракула был убит в битве с турками своими же воинами, принявшими его

за турка. Румынский историк Константин Резакевич предполагает, что Влад III погиб в бою с турками между Бухарестом и Джурджу, а похоронен в монастыре Комана. Популярной является и предание о том, что отрубленную голову Влада III Дракулы турецкие воины законсервировали в меду и отвезли султану Османской империи в Стамбул. Согласно другой легенде Влад Цепеш был зарублен врагами в бою рядом с монастырем Снагов под Бухарестом, а монахи тайно похоронили его тело в монастыре[2]. Общими для всего этого калейдоскопа версий являются, пожалуй, два момента: смерть Влада III Дракулы была насильственной, а источником инициативы послужили интересы Басараба Старого и/или Османской империи.

Совсем недавно в ходе ремонтных работ в подвале монастыря Дялу в Тырговиште было случайно обнаружено небольшое скрытое помещение, в котором нашли сундук со средневековыми рукописями. Среди них находились записки некоего Сенеслау Барбу — (по всей видимости) хрониста Влада IV Монаха[3] во время его первого очень короткого срока правления в 1481-м году. Для нас представляют интерес заметки Барбу, связанные с публичной казнью бывшего придворного распорядителя боярина Токомерия Мунтеана по обвинению в измене и пособничестве турецкой стороне[4]. Под пытками Токомерий Мунтеан признался во многих совершенных им деяниях во времена, когда занимал ответственные должности при Басарабе III Старом и Басарабе IV Цепелюше. Сознался он и в том, что по инициативе Басараба Старого спровоцировал убийство Влада Цепеша одним из приближенных к нему людей — мечником Мислявом Ардеаланом. Захвативший престол Влад Дракула вел себя крайне осторожно: высылал вперед себя дозоры и не покидал замок без огромной охраны венгерских воинов, а изгнанный Басараб Старый с незначительными силами сохранивших ему верность войск ожидал турецкого подкрепления. За смерть Влада Басараб был готов заплатить очень большие деньги. Тогда в голове у Токомерия созрел необычный план. Он был хорошо знаком с Мислявом Ардеаланом, который совсем недавно женился на красавице Елене и больше жизни любил свою молодую жену. Известный своим пристрастием к женскому полу Влад Дракула не раз бросал вожделенные взгляды на Елену, чем вызывал явное неудовольствие у ревнивого Мислава. Однажды, вернувшись домой, Ардеалан нашел свою супругу мертвой в изорванной одежде со следами насилия на теле. Позже в зажатом кулаке правой руки покойной Мислав обнаружил приметную серебряную пуговицу с гербом, которую, по словам Токомерия, ему, вхожему в покои господаря, удалось аккуратно и незаметно срезать из ряда подобных, украшающих левый рукав кафтана. В разговоре с Ардеаланом Мунтеан как-бы невзначай сказал, что не видел, чтобы кто-то заходил в дом Мислава, разве только Влад Цепеш. Влад III Дракула был найден мертвым с торчащим из груди кинжалом в одной из комнат замка. Так, если верить Синеслау Барбу и Токомерию Мунтеану, виновный, судя по историческим свидетельствам, в многочисленных кровавых убийствах и жестоких казнях Влад III Цепеш был убит за преступление, которого не совершал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.